

● ● ●
Зарастает дом ледяной травой,
изо рта его выпадает зуб,
только чувствуешь ты: он ещё живой,
и жива душа — деревянный сруб.

Вот возьмёшь, бывало, его, прижмёшь —
и давай баюкать: мол, спи да спи...
И стучится в окна озябший дождь,
будто вяжет облако пара спиц.

Ну а ты жалеешь его и птиц,
и качаешь тихо гнездовья, и
паутину снимешь с родимых лиц,
и опять поёшь о своей любви.

● ● ●
Есть излишества природы
и наследство жарких лет.
Что купил, то и распродал
и стоишь полураздет.

Будет день, и будет пища —
звук, летящий на язык.
На немножко солнце вышло,
человек к зиме привык.

Он привык к молчашей птице,
к леденящей тишине.
Ходит, думает:

«Мне снится!» —
и уже привык вдвойне
к недосказанности слова,
нам друг друга — не понять...
Я, как все, к зиме готова, —
что мне на зиму пенять?

Я прошу себе и людям,
день сегодня светло-сер,
раз другими мы не будем,
и зима — ещё не смерть.

● ● ●
То ли ангел с дудочкой, то ли тень,
извлекает музыку слабый рот.
Высоко-то как, вот ещё ступень,
поднимайся ввысь, не наоборот.

А устанешь — пусть бубенцы звенят,
гонят хворь взашей, а тоску за дверь.
Накорми птенцов, обогрей кутят
да в любовь Всевышнего Бога верь!

Оглянись вокруг: тишина — внутри,
снеговик мой мал, да зима крепка.
Холода́ и лёд, ну а ты смотри,
Как, вздыхая грудью, плывёт река.

Там на дне пескарь и сонливый сом
закопались в ил и, прикрыв глаза,
говорят на рыбьем и о своём,
что доверить нам, рыбакам, нельзя.

● ● ●
Среди исписанных бумаг
одна отыщется едва ли;
над нами неба саркофаг
и горизонта рвы и дали.

Сиди в тени, толкуй слова,
перебирая птичьи мысли;
зимы бледнеющий овал
от скуки смертной мыши сгрызли.

И как себя ни тормоши,
всё получается без звука;
молчат перо, карандаши,
лишь ангел силится мяукать.

Ты льёшь на блюде молоко,
под нос чего-то там бормочешь,
а снег летит себе легко:
и день, и ночь без проволочек.

● ● ●
В. С. П.

Нальётся в чашку чай горячий,
умаслят сахаром лимон.
Новорождённый и незрячий
снег приземлится на балкон.

К ночи вполне остепенится,
расправит крылышки свои,
и вот уже парит, как птица,
курлычет что-то о любви.

А ты пей чай, не обжигайся,
и слушай музыку небес.
Высоким снегом восхищайся,
пока он здесь и не исчез!

● ● ●
Встанешь иногда на краю,
смотришь вниз, как ходит река;
так, глядишь, и жили б в раю,
дуракам всё время искать—

истину в бокале с вином,
виноватых в смертных грехах.
Снеговик в пространстве моём
холоден, как беглый монах.

Да и ты ничуть не теплей;
правда, там, в чужой стороне,
ничего-то нет тяжелей—
вместо «да» в ответ слышать «нет».

● ● ●
Зима, открыв на небе створки,
сдувает вниз белёсый пух.
А на вершине льдистой горки
псалмы читает ангел вслух.

Он так старается, что взмокли
и перья белые, и лоб.
И стали щёчки ярче свёклы,
пока молился он взахлёб.

А нам, дурным, не жалко вовсе,
что он стоит, как перст, один...
И шепчет с выговором псковским:
— Храни их, Господи, храни!

● ● ●
Две птицы в городе, а я
стою и мёрзну.
Снежком укутана скамья,
в кармане зёрна.

Кидаю птицам и смотрю
к себе под ноги.
Стою лицом к монастырю,
платочек строгий.

Склевали зёрна птицы и
крылом взмахнули.
Я от мужчин ждала любви,
а может, ну их?